

## Глава 4

Почти все три кувшина крепкого вина Шэнь Цинчжоу осушил в одиночку. По дороге он успел отлучиться к конюшням, а вернувшись, обнаружил, что Лочэнь сидит за столом в той же позе, что и прежде. Цинчжоу невольно расплылся в улыбке:

— Ну что, уморил я тебя своими разговорами? Ладно, молчу. Одолжи-ка мне свою постель, а завтра, перед уходом, я обязательно накину тебе денег!

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно запрыгнул на кровать Лочэня. Отстегнул меч, положил его у стены, сбросил сапоги и, прямо в одежде перекатившись на бок, натянул на себя одеяло. Затем хитро прищурился:

— А у тебя тут чистенько. Небось тот смазливый прислужник частенько заглядывает к тебе по ночам, а?

Лочэнь обернулся и слабо покачал головой.

— Значит, вы не чета влюбленным уткам-мандаринкам? — зевнул Шэнь Цинчжоу. — Ну да, первый старший брат как-то говорил мне: на узорных вышивках, где мандаринки плещутся в воде, обе птицы всегда расписные да пригожие. Но ведь в жизни это самцы. Самки-то у них серые, невзрачные.

Не дожидаясь ответа, он перевернулся на спину и закрыл глаза. На губах его промелькнула горькая усмешка:

— Лочэнь... Он ведь когда-то был так добр ко мне. Столькому научил, оберегал, спасал жизнь, не жалея себя. И как бы сильно я теперь ни ненавидел его, забыть все это не могу. Скажи, что мне делать?

Помолчав, молодой мечник снова заговорил своим привычным ленивым тоном:

— Ах да, совсем забыл, что ты немой. Ладно, спать, спать!

Лочэнь молча задул стоявшую на столе свечу.

За годы странствий по Поднебесной Шэнь Цинчжоу частенько приходилось ночевать под открытым небом. Он давно усвоил одно важное умение: если нужно уснуть, он сделает это хоть в грязной канаве, а тут под боком была вполне приличная постель. К тому же за вечер он выпил немало крепкого вина, не прибегая к уловкам вроде выведения хмеля через акупунктурные точки. Каким бы закаленным ни был его организм, алкоголь взял свое. Бормотнув Лочэню, чтобы тот не стеснялся и ложился рядом, если устанет, юноша мгновенно провалился в глубокий сон.

Когда он открыл глаза, утренний свет уже вовсю пробивался сквозь бумагу на оконных рамах, разгоняя полумрак.

Оглядевшись, Шэнь Цинчжоу опешил: Лочэнь все так же сидел за столом, неподвижный, словно прирос к табурету. Даже у такого бесстыдника, как Цинчжоу, зашевелилась совесть. Сползая с кровати, он потер лицо ладонями, подошел к слуге и дружески похлопал его по плечу.

Лочэнь испуганно отпрянул, едва не столкнувшись с Цинчжоу лицом к лицу. Тот вовремя подхватил его за плечи, заглянул в налитые кровью глаза и усмехнулся:

— Ну чего ты так вздрагиваешь? Неужто всю ночь здесь просидел? Почему не лег? Я ведь лыка не вязал, неужели боялся, что посягну на твою невинность?

Заметив, как Лочэнь смущенно опустил голову, и вспомнив свои вчерашние пьяные откровения, Шэнь Цинчжоу решил поразвлечься. Внезапно обхватив немого за талию, он притянул его к себе и потянулся губами к его изуродованному шрамами лицу. Опешивший Лочэнь с силой уперся ему в грудь и резко оттолкнул прочь, сверкнув полными гнева глазами.

Цинчжоу покатился со смеху. Он отвязал от пояса увесистый кошель и звучно опустил его на деревянную столешницу. Дойдя до двери, он на секунду замер. Поколебавшись, стер с лица веселое выражение и обернулся к Лочэню, который как раз потянулся к кошелью, собираясь вернуть его обратно.

Сложив ладони в вежливом приветствии, Шэнь Цинчжоу произнес:

— Прошу простить мою неуместную дерзость, брат Ло. Эти деньги — лишь скромная вира за мое бесстыдство, не побрезгуй принять. И спасибо тебе за то, что вчера безмолвно выслушал мои излияния. Прощай, береги себя.

Лочэнь замер. В одно мгновение Цинчжоу преобразился. Исчезли и вчерашний хмельной гуляка, и утренний нахал — перед Лочэнем стоял истинный преемник благородного ордена, учтивый, сдержанный и знающий меру. Ошеломленный слуга невольно сжал в кулаке увесистый кошель и замер, не решаясь сделать и шагу, а затем чинно поклонился уходящему мечнику.

Шэнь Цинчжоу почувствовал укол жалости, но тут же отбросил глупые мысли. Пути их вряд ли пересекутся вновь. На его плечах лежит важная задача ордена, и даже если судьба занесет его обратно в Башню Красного и Зеленого, он не станет искать встречи с уродливым слугой. К чему плодить пустые надежды и беречь чужую душу?

Решив так, он без лишних слов толкнул дверь и покинул пристройку у конюшни.

Солнце только поднималось над горизонтом, заливая город мягким утренним светом. В Башне Красного и Зеленого, обычно шумной и хмельной по ночам, сейчас царила мертвая тишина. Цинчжоу не сомневался, что два его собрата по оружию все еще нежатся в объятиях продажных красавиц, не в силах оторваться от нежного шелка и благовоний.

В Долине Сяояо царила строжайшая дисциплина, и не прояви Цинчжоу «инициативу», эти двое ни за что не осмелились бы принять приглашение южного эскортного агентства «Небесный тигр» и явиться в этот вертеп порока. На губах юноши заиграла ироничная усмешка: по возвращении в орден братья наверняка свалят всю вину на него, выставив главным зачинщиком. Сам он легко оправдается перед старейшинами, да и чужие наветы его мало заботили. Горько было другое: эти глупцы, ослепленные дешевым блеском здешних девиц, мигом позабыли о поручении учителя. Неудивительно, что за долгие годы обучения в Долине они так и не преуспели в боевых искусствах.

Внезапная вспышка раздражения заставила его ускорить шаг. Будить спутников он не собирался. Цинчжоу пересек пустой главный зал и уже потянулся к засову на выходной двери, как вдруг сзади раздался торопливый окрик:

— Сяо-дася, пощадите ноги, задержитесь на мгновение!

Обернувшись, он увидел приближающегося мужчину в синих одеждах эскорта. На лице того играла заискивающая улыбка.

— Рань еще несусветная, куда же вы направляетесь, молодой мастер? Ваши собратья из Долины Сяояо еще и глаз не размыкали. Наш глава велел передать: как только все соберутся, мы ждем вас в агентстве для важного разговора.

— Во сколько? — безучастно спросил Цинчжоу, проигнорировав вопрос о цели своего ухода.

Эскорт Сюй на секунду опешил, но быстро сориентировался и подобострастно усмехнулся:

— Судя по тому, как бурно ваши друзья провели ночь, раньше полудня их ждать не стоит.

Хунъюань мысленно презрительно фыркнул, но внешне остался бесстрастен.

— В таком случае я прибуду в агентство «Небесный тигр» ровно в полдень, чтобы засвидетельствовать почтение Главе эскорта Фаню.

— У вас какие-то дела в городе?

— Эскорт Сюй, — улыбнулся Шэнь Цинчжоу, прищутив глаза, — я просто хочу немного прогуляться по улицам. Без какой-либо цели. К чему эти расспросы? Или законы гостеприимства вашего почтенного агентства запрещают приезжим дышать свежим воздухом

без вашего надзора?

Синекафтанник торопливо поклонился, выставив вперед сложенные ладони:

— Что вы, молодой мастер, помилуйте! Глава эскорта Фань лишь беспокоился, хорошо ли вас приняли, и приказал нам неотлучно находиться поблизости, дабы исполнять любые ваши прихоти и облегчить пребывание почтенных гостей в Линьане.

— Тогда соблаговолите передать Главе эскорта Фаню мою искреннюю признательность. Однако я привык полагаться в путешествиях только на себя и не терплю, когда у меня под ногами крутятся слуги. Прощайте.

Бросив эту колкость, Цинчжоу развернулся и вышел за порог, не удостоив охранника вторым взглядом.

Быстро зашагав по просыпающимся улицам, Шэнь Цинчжоу устремился туда, где уже начинал собираться народ. Он петлял по узким переулкам, то и дело выныривая на оживленные рыночные площади. Спустя время, достаточное, чтобы заварить чашку чая, он убедился, что хвоста за ним нет. Лишь тогда юноша сбросил темп и побрел не торопясь, нахмутив брови.

В Линьаньскую управу на помощь агентству «Небесный тигр» он отправился вместе со своими братьями не только по воле главы-шибо Е Чжэнци, но и по собственному горячему настоянию.

После пережитого в детстве кошмара Цинчжоу навсегда утратил интерес к борьбе за власть и влияние внутри ордена. В самой Долине Сяояо он вел себя затворником: целыми днями тренировался или читал книги в уединении, почти ни с кем не перемолвившись и парой слов. К счастью, учитель души не чаял в своем младшем закрытом ученике. Он закрывал глаза на все его причуды и строго-настрого запретил кому-либо беспокоить юношу без крайней нужды.

Раз в месяц Цинчжоу неизменно испрашивал у наставника дозволения временно покинуть Долину ради «постижения мира и усмирения разума». Старик никогда не чинил ему препятствий, разве что перед уходом заставлял сыграть с ним три партии в го. Наставник не попытался о настоящих целях этих поездок.

Глава ордена, почтенный шибо Е Чжэнци, частенько ворчал на своевольного племянника, но поделаться ничего не мог. Среди его собственных прямых учеников не нашлось ни одного, кто мог бы сравниться с Цинчжоу в мастерстве владения мечом и внутренней силе. Все понимали, что именно этому юноше предстоит в будущем прославить орден на всю Поднебесную, а потому молча прощали ему любые вольности.

Цинчжоу, впрочем, знал меру. В стенах Долины он держался особняком, но никогда не опускался до грубости: вежливо здоровался с собратьями, поддерживал легкие шутки. Если кто-то из робких младших учеников осмеливался обратиться к нему за советом, он охотно делился тонкостями боевых искусств. По отношению к старшим он вел себя безупречно, не

позволяя себе лишнего.

Однако стоило ему пересечь границы ордена, как маска благовоспитанности слетала. Молодой мастер пускался во все тяжкие, сорил деньгами благородного дома Цзе и кочевал из одного веселого квартала в другой. Очень скоро за ним закрепилась слава неисправимого повесы и завсегдатая злочных мест. Поскольку он никогда не скрывал своего происхождения, в мире боевых искусств — Цзянху — его прозвали «Беззаботным искателем удовольствий».

Ворчание главы Е переросло в открытый гнев. Он то и дело обвинял Цинчжоу в том, что тот пользуется чрезмерной благосклонностью учителей. Но из пяти старших мастеров ордена четверо всегда горой стояли за юношу. Они полагали, что после пережитого потрясения характер Цинчжоу просто дал трещину, но сердце его осталось чистым. В конце концов, законов он не преступал, а плотские утехы — удел многих молодых людей.

Лишь сам Цинчжоу знал горькую правду. Его бесконечные кутежи и падение на самое дно столичного разврата не имели ничего общего с юношеской похотью.

Около десяти лет назад его похитил Владыка Дворца Лазурного нефрита — зловещей обители, наводившей ужас на все Цзянху. Этот порочный безумец вознамерился сделать из красивого отрока своего наложника. Спасло Цинчжоу лишь то, что дух его оказался крепок: он готов был скорее умереть, нежели покориться насилию. Да и похититель счел тринадцатилетнего пленника слишком юным, решив не торопить события и приручать его постепенно. А вскоре первый старший брат Сун Сяо, проведая о беде, безрассудно ринулся в самое логово врага и ценой собственной крови вырвал его из рук извращенца.

Но за те полмесяца, что Цинчжоу провел во Дворце Лазурного нефрита, он успел узнать немало. Мальчик обладал ангельской внешностью и острым умом. Притворившись покорным и ласковым, он быстро втерся в доверие к слугам. Те расслабились и поддались на его хитрые расспросы, выдав множество тайн ордена.

Главной из них было то, откуда Дворец Лазурного нефрита берет колоссальные богатства. Как оказалось, орден тайно владел обширной сетью роскошных борделей по всей стране, где взращивали послушных дев и изнеженных юношей для утех знати.

Владыка Дворца и его приближенные привыкли к безумной роскоши. Даже золотые горы иссякли бы без постоянного притока средств. А веселые кварталы вроде переулка Луши, через которые ежедневно проходили тысячи купцов, чиновников и бродячих воинов, служили идеальным местом не только для обогащения, но и для сбора сплетен. Стоило лишь внимательно слушать.

Тогда, будучи тринадцатилетним подростком, Цинчжоу и подумать не мог, что спустя годы сам воспользуется этим секретом, чтобы выследить похитителей.

Увы, все его многолетние скитания по домам терпимости принесли лишь сомнительную славу сластолюбца и парочку верных подруг среди куртизанок. Сведения о Дворце Лазурного

нефрита стекались к нему ничтожно малыми каплями, которые никак не удавалось сложить в цельную картину.

И вот теперь, когда до Долины Сяояо дошли слухи, что эскортное агентство «Небесный тигр» столкнулось с грозным противником в лице Дворца Лазурного нефрита, Цинчжоу не раздумывая вызвался помочь, проигнорировав недовольство главы-шибо. На этот раз он не упустит возможность поквитаться с давними врагами.

<http://bllate.org/book/19915/2029088>